
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEEDINGS

Научная статья
УДК 343.122
EDN APYIIW
DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.14-24

Обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от совершения преступления, уголовно-процессуальными средствами

О.И. Андреева[✉], А.А. Рукавишникова, П.О. Герцен

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация

Автор, отвечающий за переписку: Андреева О.И., andreevaoi_70@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения прав лица, пострадавшего в результате совершения преступления, в случае его смерти. В результате изучения судебной практики выявлены две типичные ситуации, когда возникает необходимость обеспечения защиты прав умершего пострадавшего: во-первых, в случае смерти пострадавшего в результате совершения преступления, во-вторых, в случае смерти пострадавшего, признанного потерпевшим, по причинам, не связанным с совершением преступления. Отмечается недостаточная правовая регламентация первой типичной ситуации и отсутствие нормативного регулирования второй типичной ситуации, что приводит к формированию различной судебной практики, а также затрудняет возможность обеспечения защиты прав умершего пострадавшего. В результате проведенного исследования авторами сформулирован ряд предложений, направленных на разрешение выявленных проблем обеспечения прав умершего лица, пострадавшего в результате совершения преступления.

Ключевые слова: потерпевший, смерть потерпевшего, представитель потерпевшего, частные интересы.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Для цитирования: Андреева О.И. Обеспечение прав умершего лица, пострадавшего от совершения преступления, уголовно-процессуальными средствами / О.И. Андреева, А.А. Рукавишникова, П.О. Герцен. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.1.14-24. — EDN APYIIW // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 1. — С. 14–24.

Original article

Protecting the Rights of a Deceased Crime Victim Through Criminal Procedure Means

O.I. Andreeva[✉], A.A. Rukavishnikova, P.O. Gertsen

National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

Corresponding author: Andreeva O.I., andreevaoi_70@mail.ru

Abstract. The authors examine the problems of protecting the rights of crime victims in cases of their death. The analysis of court practice allowed the authors to identify two typical situations in which the necessity of ensuring the protection of rights arises: firstly, if the victim dies as a result of the crime and secondly, if the affected person, recognized as the victim, dies due to reasons unconnected with the crime. The authors note the insufficiency of the legal regulation in the first typical situation

and the lack of normative regulation in the second one, which results in the diversity of court practice and hinders the protection of the rights of a deceased victim. Based on the conducted research, the authors developed a number of suggestions aimed at resolving the identified problems of protecting the rights of a deceased crime victim.

Keywords: victim, death of the victim, victim's representative, private interests.

Funding: Research is financially supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00496. URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

For citation: Andreeva O.I., Rukavishnikova A.A., Gertsen P.O. Protecting the Rights of a Deceased Crime Victim Through Criminal Procedure Means. *Sibirskie Ugolovno-Proцессуальные i Kriminalisticheskie Чтения = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 1, pp. 14–24. (In Russian). EDN: APYIIW. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.1.14-24.

Потерпевший является самостоятельным участником уголовного процесса, наделенным совокупностью прав для защиты своих законных интересов, выразившихся в возмещении или компенсации причиненного вреда, обеспечении доступа к правосудию [1]. Защита прав потерпевшего от преступления является одним из проявлений назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), в силу чего относится к числу публично-правовых задач, которые должны выполняться органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс [2]. Подчеркивая значение необходимости защиты прав потерпевшего, Конституционный Суд РФ в своих постановлениях неоднократно отмечал, что «устанавливаемые федеральным законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны, как того требует Конституция Российской Федерации и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (ст. 15, ч. 4, Конституции Российской Федерации) ... упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления своих прав; конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах»¹.

¹ По делу о проверке конституционности ч. 2, ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области :

Обратил внимание на значимость защиты прав потерпевших уголовно-процессуальными средствами и Пленум Верховного Суда РФ, указав на необходимость «обеспечения потерпевшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами»² в контексте реализации назначения уголовного судопроизводства.

Особое значение приобретает обеспечение и защита прав лица, пострадавшего от преступления, в случае, когда он не может осуществлять ее лично и самостоятельно в связи с беспомощным состоянием или по иным причинам. К числу иных причин можно отнести случаи, когда лицо, пострадавшее от преступления, скончалось. В силу невозможности самостоятельной реализации процессуальных возможностей по защите нарушенных прав умершим, они должны передаваться иным лицам (как с момента начала, так и уже в процессе начатого уголовного преследования).

Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. №5-П // СПС «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 : (ред. 16 мая 2017) // СПС «КонсультантПлюс».

Анализ изученной практики позволил выявить две типичные ситуации³, когда возникает необходимость обеспечения прав умершего лица, пострадавшего от преступления, уголовно-процессуальными средствами.

К первой ситуации относятся случаи, когда смерть пострадавшего наступила в результате совершения преступления, при этом он статусом потерпевшего по уголовному делу не наделялся.

Ко второй ситуации — случаи наступления смерти пострадавшего, признанного потерпевшим по уголовному делу, после совершения преступления по иным причинам, не находящимся в причинно-следственной связи с совершением преступления (например, в силу возраста, заболевания, совершения в отношении лица иного преступления и др.), при этом расследование или рассмотрение уголовного дела не завершено⁴.

Следует отметить, что механизм обеспечения прав таких лиц в первой из вышеназванных ситуаций урегулирован в УПК РФ (хотя недостаточно и не бесспорно), в то время как во второй — нормативное регулирование такого механизма отсутствует вовсе. Вместе с тем, и в том в другом случае обеспечение их законных интересов при расследовании уголовных дел является назначением уголовного процесса.

Рассмотрим первую из обозначенных типичных ситуаций. Для за-

3 В ходе исследования авторами работы проведено изучение судебной практики, позволившее выявить типичные ситуации и проблемы, требующие нормативного урегулирования. Вместе с тем настоящая работа является результатом первоначального этапа исследования и направлена, в первую очередь, на выявление и постановку проблем.

4 Исходя из результатов изучения приговоров за период с 2018 по 2022 г., отобранных методом случайно выборки с использованием сайта ГАС «Правосудие».

щиты законных интересов умершего лица, пострадавшего в результате совершения преступления, в УПК РФ предусмотрен механизм, обеспечивающий участие в уголовном процессе особого субъекта — «процессуального потерпевшего»⁵, наделяемого таким статусом в силу закона и не являющегося лицом, на чьи права и законные интересы непосредственно было направлено преступление. Участие в деле «процессуального потерпевшего» «обусловлено необходимостью обеспечения посмертной защиты нематериальных благ, принадлежавших умершему, и связанных с ними личных неимущественных прав (право на честь, достоинство личности, доброе имя, право на жизнь и здоровье), а также реализации законных интересов близких родственников, родственников или близких лиц» [4, с. 16].

Так, в соответствии с ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников. Необходимо учитывать, что в силу указанного порядка предусмотрен переход прав, принадлежащих потерпевшему, но не процессуального статуса лица, предполагающего переход совокупности прав и обязанностей.

Недостаточно конкретная формулировка нормы уголовно-процессуального закона обуславливает существование разного ее толкования и формирования

5 Данный термин используется авторами статьи исключительно с целью разграничения процессуального статуса потерпевшего и лица, которому переходят права умершего пострадавшего (или потерпевшего).

различных подходов передачи таких прав родственникам на практике: от признания таких лиц потерпевшими (в 98,7 % случаях от всех изученных уголовных дел), до признания их представителями или законными представителями потерпевшего (в 1,3 % случаях).

В этой связи Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя норму ст. 42 УПК РФ, дал следующие разъяснения: во-первых, по общему правилу потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, во-вторых, все иные лица, в том числе близкие родственники потерпевшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите не наделяются (защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступления), в-третьих, по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, пострадавшего от преступления, права потерпевшего, в силу ч. 8 ст. 42 УПК РФ, переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников, в-четвертых, если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких близких родственников и (или) близких лиц погибшего, а в случае их отсутствия — родственников погибшего, и они ходатайствуют о предоставлении им прав потерпевшего, эти лица признаются потерпевшими на основании мотивированного решения суда, в-шестых, к иным лицам, кроме указанных в части 8 статьи 42 УПК РФ (например, работникам органов соци-

альной защиты населения, представителям администраций муниципальных образований), права потерпевших переходить не могут. При этом Пленум Верховного Суда РФ указывает на переход не только прав, но и фактически — процессуального статуса потерпевшего его близким родственникам, родственникам или иным лицам.

Кроме того, исходя из указанной позиции Пленума Верховного Суда РФ следует, что выделенный и сформулированный им критерий для определения того, кто будет выступать потерпевшим при наличии нескольких претендующих на этот статус близких родственников, близких лиц или родственников погибшего, согласно которому «преступлением должны затрагиваться права и законные интересы» (например, в случае, когда в результате смерти лица, явившейся следствием совершения преступления, им причиняется моральный вред в связи с наличием устойчивых эмоциональных и социальных связей с умершим; в случае причинения имущественного ущерба, когда смерть лица повлекла за собой потерю кормильца для его иждивенцев и т.д.), должен выступать и в качестве общего критерия возможности признания потерпевшим любого лица помимо самого умершего. Именно соответствие лица, претендующего на статус потерпевшего, этому критерию способно выступить в качестве одной из гарантий действенной и эффективной защиты не только своих прав (в этом случае было бы достаточно участия в деле в качестве гражданского истца для компенсации морального и имущественного вреда), но и прав умершего лица. При этом «процессуальный потерпевший» будет являться не формальной фигурой, а реальным гарантом защиты прав лица, уже неспособного выступить в соответствую-

ющем процессуальном статусе в связи со смертью, в том числе в силу наличия у него собственного интереса, обусловленного родственно-семейными отношениями с умершим.

Распространение этого критерия только на случаи определения оснований для признания нескольких родственников потерпевшими и отсутствие необходимости соблюдения этого критерия при признании единственного родственника потерпевшим лишает его смысла.

Анализ изученной судебной практики свидетельствует о том, что в большинстве случаев процессуальным статусом потерпевшего наделяются: брат/сестра (32 % изученных случаев), супруг/супруга (28 % изученных случаев), дети (30 % изученных случаев), иные родственники (10 % изученных случаев)⁶, при этом такие «процессуальные потерпевшие», как правило, отвечали критерию нарушения преступлением их прав и законных интересов, имели родственно-семейные связи с умершим, что было установлено в ходе расследования или судебного разбирательства.

Вместе с тем обращают на себя внимание проблемы, выявленные в ходе изучения судебной практики при защите такими лицами своих прав и прав погибшего лица, а также определения надлежащего субъекта, к которому переходят такие права.

1. Следует отметить формальный характер участия «процессуальных потерпевших» (несмотря на то, что они посредством участия реализуют не только интерес умершего лица, но и свой личный в силу того, что их права также затронуты преступлением). Так, в изученных случаях «процессуальные

потерпевшие» (близкие родственники, родственники, иные близкие лица умершего) не пользовались правом иметь представителя (несмотря на отсутствие у них специальных юридических компетенций) в целях получения квалифицированной юридической помощи для повышения эффективности защиты законных интересов умершего лица. Вместе с тем, как верно отмечает Н.С. Манова, «отсутствие у потерпевшего профессионального представителя может отрицательно сказаться на исходе дела» [5], тем более в тех случаях, когда фактическая жертва преступления лишена возможности отстаивать свои интересы. Кроме того, «процессуальные потерпевшие» во всех изученных случаях не заявляли в ходе рассмотрения уголовного дела гражданские иски, в том числе, в части возмещения морального вреда, что указывает на системный характер пассивной роли, которую занимают в уголовном судопроизводстве «процессуальные потерпевшие», не использующие принадлежащие им в силу наличия процессуального статуса права, направленные на защиту нарушенных прав и интересов умершего лица.

2. Кроме того, обращает на себя внимание формальный подход правоприменителей при определении субъекта, которому переходят права умершего потерпевшего. В отдельных случаях статус потерпевшего приобретали лица только лишь в силу соответствия статусу, предусмотренному УПК РФ (близкие родственники, родственники, близкие лица), без учета, при этом, критерия, установленного Пленумом Верховного Суда РФ и предполагающего наступление для такого лица негативных последствий в результате преступления, обусловленных наличием социально-семейных связей с умершим. В связи с отсутствием нормативного закрепления

⁶ Исходя из результатов изучения приговоров за период с 2018 по 2022 г., отобранных методом случайной выборки с использованием сайта ГАС «Правосудие»

указанного критерия, такие случаи не являются нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, однако назначение уголовного судопроизводства становится труднодостижимым в связи с отсутствием интереса в защите нарушенных прав (как представляемых, так и личных).

3. Необходимо отметить и правовую неопределенность в решении вопроса о том, к кому должны переходить права потерпевшего в случаях, когда умершее лицо не имеет родственных или иных социальных связей. В настоящий момент правоприменительная практика демонстрирует различные подходы. Так, по уголовному делу № 1-225/2022, рассмотренному Центральным районным судом г. Челябинска, в результате совершения преступления наступила смерть лица без определенного места жительства, не имеющего социальных связей. Для обеспечения и защиты его интересов в качестве представителя потерпевшего по доверенности был допущен работник организации социальной защиты населения (Центрального управления социальной защиты населения Администрации г. Челябинск), несмотря на отсутствие правового основания для его участия⁷.

Такой правоприменительный подход нельзя признать обоснованным, однако решение этого вопроса в УПК РФ отсутствует.

Прежде всего остается непонятным, может ли участвовать в деле представитель потерпевшего в порядке ст. 45 УПК РФ в случае, когда лицо скончалось в результате совершения преступления, при этом потерпевший в деле отсутствует. При этом предлагаемый правоприменительной практикой подход, соглас-

но которому для защиты прав умершего пострадавшего, при отсутствии у него родственно-семейных связей, привлекается представитель потерпевшего, противоречит логике уголовно-процессуального закона. Процессуальный статус представителя потерпевшего является неразрывно связанным с самим потерпевшим, в связи с чем в отсутствие факта признания соответствующим процессуальным решением следователя, дознавателя, суда какого-либо лица потерпевшим, отсутствуют основания для появления в деле его представителя. В соответствии с УПК РФ процессуальная фигура представителя появляется по выраженной воле потерпевшего.

В этой же связи необоснованно и встречающееся на практике привлечение в качестве представителя потерпевшего организации социального обслуживания или органа социальной защиты. Что же касается возможности привлечения такой организации в качестве потерпевшего, Пленум Верховного Суда РФ прямо указал на то, что к иным лицам, кроме указанных в ч. 8 ст. 42 УПК РФ (например, работникам органов социальной защиты населения, представителям администраций муниципальных образований), права потерпевших переходить не могут.

Наличие перечисленных проблем является следствием недостаточной правовой регламентации участия «процессуальных потерпевших» в случаях, когда результатом совершения преступления явилась смерть лица. В связи с тем, что механизмы решения указанных проблем не даны ни в законе, ни в должной мере в решениях высших судебных инстанциях страны, представляется необходимым разработать комплекс предложений, направленных на повышение уровня защиты прав умершего пострадавшего. Реализация еди-

7 Приговор Центрального районного суда г. Челябинска от 08.06.2022 г. по уголовному делу № 1-225/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.10.2022).

ного подхода в разрешении указанных ситуаций на практике позволит обеспечить равенство граждан, отстаивающих права умершего в результате совершения преступления лица, сделает защиту таких прав более эффективной, исключит формальный подход, а «правоприменительную практику приведет в соответствие с требованием правовой определенности» [6, с. 78].

Так, повышение эффективности защиты прав лица, умершего в результате совершения преступления, такими субъектами должно обеспечиваться за счет включения в перечень случаев оснований обязательного участия адвоката признания потерпевшим одного из близких родственников, родственников, иных близких лиц умершего в результате совершения преступления пострадавшего. Это обусловлено тем, что родственники, которые признаются потерпевшими (как те, которые находятся в сложном психо-эмоциональном состоянии в связи с утратой близкого, так и те, которые получают процессуальный статус по остаточному принципу за неимением иных родственников, отвечающих критериям для признания потерпевшим), не способны в равной мере эффективно обеспечить свои процессуальные права, обусловленные статусом, и осуществить защиту прав лица, погибшего в результате совершения преступления, в части привлечения виновного в смерти их родственника, к уголовной ответственности.

Что касается обеспечения прав и законных интересов жертв преступлений, не имеющих родственных и иных социальных связей, и в связи с тем, что их защита является проявлением публичного назначения уголовного процесса и входит в сферу компетенции правоохранительных органов, обоснованной альтернативой привлечения в качестве

потерпевшего (или представителя потерпевшего) организаций социальной защиты, следует признать возможность возложения обязанности обеспечения в таких случаях прав лица, умершего в результате преступления, на прокурора в рамках осуществления последним правозащитной деятельности [7].

Вторая типичная ситуация, которая была выявлена в ходе изучения правоприменительной практики, касается случаев, когда в ходе расследования смерть потерпевшего наступает по иным причинам, не находящимся в причинно-следственной связи с совершением преступлением. Речь идет о случаях, когда пострадавший признается потерпевшим по уголовному делу, не повлекшему за собой его смерть, но в процессе расследования или разрешения уголовного дела потерпевший умирает по причинам, абсолютно не связанным с совершением преступления.

Если применительно к первой ситуации, связанной со смертью пострадавшего в результате совершения преступления, УПК РФ (хотя и не в исчерпывающей детализации) содержит механизмы обеспечения и защиты законных интересов такого лица, то применительно к выявленной второй типичной ситуации уголовно-процессуальный закон вообще не содержит какой-либо регламентации. Отсутствуют разъяснения по данному вопросу и в постановлениях и определениях высших судебных органов.

Наличие такой правовой неопределенности препятствует защите законных интересов умершего потерпевшего, а также влечет за собой формирование различной судебной практики.

Так, изученная судебная практика свидетельствует о существовании нескольких подходов в случае, когда потерпевший умирает по причинам, не связанным с преступлением. При этом

такое лицо уже имеет признанный в конкретном уголовном деле процессуальный статус потерпевшего.

Первый подход предполагает распространение на такие случаи применения по аналогии закона положений ч. 8 ст. 42 УПК РФ, предусматривающий переход прав потерпевшего к его близким родственникам, родственникам, иным лицам. В частности, по уголовному делу № 1-453/2022, рассмотренному Ленинским районным судом г. Челябинска, после смерти потерпевшего его права были переданы его племяннице. При этом в ходе расследования уголовного дела дополнительно выяснялось, является ли племянница наследницей умершего и имеет ли право претендовать в порядке наследования на имущество, похищенное с банковской карты умершего потерпевшего⁸.

Второй правоприменительный подход предполагает привлечение близких родственников, родственников, иных близких лиц в качестве представителя потерпевшего.

Третий подход правоприменителей исключает признание кого-либо из родственников или иных лиц потерпевшими или представителями потерпевшего в силу отсутствия соответствующих положений уголовно-процессуального закона. При этом фактически защита прав умершего потерпевшего возлагается на лицо, в производстве которого находится уголовное дело или прокурора.

Вместе с тем ни один из представленных подходов в настоящее время нельзя признать достаточно нормативно урегулированным, так как они либо предполагают применение аналогии закона, что в теории и практике уголовного процесса

является не бесспорным, либо лишают близких родственников, родственников умершего потерпевшего возможности продолжить исполнение воли умершего лица, направленной на привлечение виновного лица к ответственности.

В научной литературе проблема защиты законных интересов умершего потерпевшего в вышеописанной ситуации является дискуссионной, при этом авторы предлагают различные, иногда полярные подходы к ее разрешению.

Так, С.Ф. Долгов предлагает в любом случае признавать потерпевшим лицо, умершее по причинам, не связанным с совершением преступления, и привлекать к участию в деле законного представителя умершего потерпевшего [8], тем самым возвращая нас к вопросу о возможности процессуального представительства лица, не участвующего в силу объективных причин в уголовном судопроизводстве. Как было сказано ранее, такой подход видится необоснованным, так как, признание потерпевшим лица после его смерти является невозможным в силу того, что процессуальная фигура представителя является производной от фигуры потерпевшего и от занимаемой им позиции и выраженной воли в уголовном судопроизводстве, в связи с чем отсутствие потерпевшего влечет за собой отсутствие его представителя — такова логика законодателя.

На взгляд С. С. Черновой, обосновывающей общий подход, распространяющийся на обе выявленные в правоприменительной практике типичные ситуации, необходимо внести изменения в ч. 8 ст. 42 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «по уголовным делам в случае смерти лица, в отношении которого совершено преступление, потерпевшим (потерпевшими) на основании постановления следователя,

⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Челябинска от 18.05.2022 г. по уголовному делу № 1-453/2022. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.10.2022).

дознателя, суда признается близкий родственник умершего и (или) близкое лицо, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — родственник, который наделяется правами, предусмотренными действующим законодательством» [9]. Следует в целом согласиться с подходом автора, однако это не решает проблемы защиты законных интересов умершего пострадавшего в случае отсутствия у него устойчивых социальных связей, а также не отвечает на вопрос о необходимости соблюдения критерия признания родственника / близкого лица в качестве потерпевшего, установленного в постановлении Пленума Верховного Суда РФ (смерть лица от преступления должна затрагивать права и законные интересы родственников), а также возможности соблюдения этого критерия, если смерть наступила не в результате совершения преступления. Поэтому предложенная С.С. Черновой конструкция не является универсально применимой ко всем рассматриваемым в статье ситуациям.

Представляется возможным рассмотреть следующие варианты разрешения второй выявленной типичной ситуации отсутствия правового регулирования обеспечения защиты интересов умершего потерпевшего.

Во-первых, на уровне УПК РФ или разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в таких случаях распространить возможность признания «процессуальным потерпевшим» близких родственников, родственников или иных близких лиц умершего потерпевшего. Однако необходимо понимать, что такие родственники не будут соответствовать критерию причинения им преступлением опосредованного или прямого (морального) вреда, так как в результате совершения преступления они не постра-

дали. Как следствие такой критерий должен быть исключен из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Во-вторых, в связи с отсутствием факта причинения им преступлением вреда они могут получить процессуальный статус потерпевшего, при условии установления на уровне закона или разъяснений Пленума Верховного Суда РФ дополнительного критерия в виде наличия у лица права наследования за умершим потерпевшим. Такое смешение гражданско-правового института правопреемства и уголовно-процессуального механизма защиты прав умершего потерпевшего потребует комплексного регулирования в отраслевом законодательстве в связи с невозможностью ожидания вступления в наследство для продолжения исполнения воли умершего потерпевшего в уголовном процессе.

В-третьих, предусмотреть в УПК РФ обязанность прокурора обеспечивать защиту законных интересов умерших потерпевших в рамках его правоохранительной деятельности. Такой подход является особенно актуальным для случаев, когда близкие родственники, родственники, иные близкие лица умершего потерпевшего откажутся участвовать в уголовном судопроизводстве, равно как и в случаях их отсутствия. В таком случае дополнительного обоснования потребует определение механизма защиты интересов умерших потерпевших прокурором, необходимости его участия в деле, объединения функции государственного обвинения и обеспечения законных интересов умершего потерпевшего. Последний подход видится более приемлемым, так как он обусловлен назначением уголовного судопроизводства, ролью прокурора в уголовном процессе, согласуется с процессуальными конструкциями и понятиями потерпевшего, представителя потерпевшего.

Список использованной литературы

1. Андреева О.И. О правах потерпевшего как участника уголовного судопроизводства / О.И. Андреева. — EDN VNEXVB // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. — Томск, 2018. — Ч. 75. — С. 4–13.
2. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О.И. Андреева, С.Л. Лось, А.А. Рукавишникова, Т.В. Трубникова. — EDN YMIKVV // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 5–9.
3. Шипунова О.В. Защита прав и законных интересов потерпевшего, умершего в ходе производства расследования по уголовному делу / О.В. Шипунова. — EDN RFYLTB // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2022. — № 1 (59). — С. 48–54.
4. Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства : автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Патрушева. — Омск, 2020. — 23 с.
5. Манова Н.С. Проблемы обеспечения прав потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве / Н.С. Манова. — EDN ZVIYVF // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования : материалы Междунар. науч. конф. — Москва, 2016. — С. 141–146.
6. Рукавишникова (Плашевская) А.А. Генезис категории "правовая определенность" в современной юридической науке / А.А. Рукавишникова (Плашевская). — EDN SNRNHL // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 3. — С. 70–83.
7. Воронин О.В. О содержании правозащитной деятельности прокуратуры / О.В. Воронин. — EDN BZNXJS // Уголовная юстиция. — 2022. — № 19. — С. 102–104.
8. Долгов С.Ф. Практическая реализация прав потерпевших, смерть которых наступила на стадии уголовного судопроизводства / С.Ф. Долгов. — EDN MYGGNB // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе : сб. ст. по материалам VII науч.-практ. конф. — Стерлитамак, 2018. — Вып. 7. — С. 184–189.
9. Чернова С.С. Процессуальные последствия смерти участника уголовного судопроизводства / С.С. Чернова. — EDN YGXWFJ // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2017. — № 1 (39). — С. 110–119.

References

1. Andreeva O.I. On the rights of the complainant as a participant in criminal proceedings. *Legal Problems of Strengthening Russian Statehood*. Tomsk, 2018, pt. 75, pp. 156–159. (In Russian). EDN: VNEXVB.
2. Andreeva O.I., Lon' S.L., Rukavishnikova A.A., Trubnikova T.V. Vector of the direction of further development of criminal legal proceedings. *Ugolovnoe Pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 5–9. (In Russian). EDN: YMIKVV.
3. Shipunova O.V. Protection of rights and legitimate interests of the victim who died during the criminal investigation. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2022, no. 1, pp. 48–54. (In Russian). EDN: RFYLTB.
4. Patrusheva A.A. *Criminal procedural legal relations arising in connection with the death of participants in criminal proceedings. Cand. Diss.* Omsk, 2020. 23 p.
5. Manova N. Problems of ensuring the rights of the victim in the Russian criminal proceedings. *Criminal Proceedings: Current State and Main Directions of Improvement. Materials of International Scientific Conference*. Moscow, 2016, pp. 141–146. (In Russian). EDN: ZVIYVF.
6. Rukavishnikova (Plashevskaja) A.A. Genesis of the category "legal certainty" in modern legal science. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 3, pp. 70–83. (In Russian). EDN: SNRNHL.
7. Voronin O.V. On the content of the human rights protection activities of the prosecutor's office. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2022, no. 19, pp. 102–104. (In Russian). EDN: BZNXJS.

8. Dolgov S.F. Implementation of the rights of the victims which death stepped on stages of criminal proceedings. *Actual Problems of the State and Law at the Present Stage. Collected Papers Based on the Materials of the 7th Scientific and Practical Conference*. Sterlitamak, 2018, Iss. 7, pp. 184–189. (In Russian). EDN: MYGGNB.

9. Chernova S.S. The procedural consequences of the death of a participant in criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 1, pp. 110–119. (In Russian). EDN: YGXWFJ.

Информация об авторах

Андреева Ольга Ивановна — доктор юридических наук, доцент, директор Юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, andreevaoi_70@mail.ru.

Рукавишникова Анастасия Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, satsana@yandex.ru.

Герцен Полина Олеговна — ассистент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Юридический институт, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, stenwaysfiringlight@gmail.com.

Authors Information

Andreeva, Olga I. — Doctor of Law, Ass. Professor, Head, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation, andreevaoi_70@mail.ru.

Rukavishnikova, Anastasiya A. — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Process, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation, satsana@yandex.ru.

Gertsen, Polina O. — Lecturer, Chair of Criminal Process, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation, stenwaysfiringlight@gmail.com.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 27.10.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.11.2022

Принята к публикации / Accepted 27.01.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 23.03.2023